

НОВАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Воскресенье 21 декабря 1947 года принадлежит к тем знаменательным датам, которые остаются в памяти народа, как исторические вехи на победном пути к коммунизму.

В этот поистине праздничный день народы Российской Федерации, Украины, Армении, Молдавии и Карело-Финской ССР выбрали депутатов в местные советы. Не только вся наша страна, весь мир в этот день следил за торжественным и величавым событием, которое происходило в пяти советских республиках.

21 декабря войдет в историю, как новая победа нашей демократии, как новое свидетельство нерушимой монолитности партии, строящего коммунизм.

Рабочие московского Электрозавода и хлеборобы Подольщины, строители Севана и карельские лесорубы, миллионы простых людей в разных концах нашей Родины слова продемонстрировали свой беззаветный патриотизм, свою нерушимую верность великой большевистской партии, свою горячую любовь к творцу социалистической демократии, к вождю коммунизма, родному Сталину.

Еще не подсчитаны окончательные итоги выборов. Но уже предварительные подсчеты, которые произведены избирательными комиссиями, и возмущающие сообщения, поступившие из республик и областей, позволяют радоваться и гордиться чувством сердца каждого советского человека.

В среднем повсюду в голосовании участвовало 99 процентов избирателей!

С таким единодушием, с таким подъемом, с такой заинтересованностью в общенародном деле могут голосовать только граждане первого в мире социалистического государства.

Какая еще страна может похвастаться столь ярко выраженной политической активностью, столь высоким уровнем общественного сознания!

В Соединенных Штатах Америки средний процент участвующих в голосовании весьма редко превышает половину имеющих право голосовать, там в иных местностях господствует лишь... два процента избирателей. Откуда такое равнодушие американских граждан к выборам? Видно, простые люди США хорошо знают цену долларовой «демократии» и ничего доброго не ждут от тех, кто баллотировался в их органы власти.

Какая светлая вера в нашу советскую демократию, какое доверие к народным кадрам, какое высокое стремление участвовать в важнейшем политическом событии стоит за цифрой — 99 процентов! Выборы в местные Советы депутатов трудящихся снова завершаются полным торжеством сталинского блока коммунистов и беспартийных, символизированного сплоченностью нашего народа. Все кандидаты этого могучего блока получили полную поддержку избирателей. Они обещаны доверием и властью в таком единстве, как немыслимо ни в каком другом государстве.

С таким восторженным чувством, с какой любовью и преданностью отдавали свой голос родному вождю избиратели Сталинского округа Москвы! Задолго до начала выборов, в предутренние часы сотни и тысячи патриотов собрались у избирательных участков, ибо каждый мечтал о чести и счастье первым опустить свой бюллетень, первым выразить свою любовь к Сталину.

К полудню проголосовали все до одного избиратели округа.

Тысячи гостей Москвы, оказавшихся в этот день в столице, имевших в руках удостоверение на право голосования, стремились осуществить это почетное гражданское право там, где голосуют за Иосифа Виссарионовича. Спиряки и уральцы, ленинградцы и киевляне, севастопольцы и горьковчане побывали в Сталинском округе.

Но, принеся слова любви и привета от имени тысяч земляков. И когда после 12 часов ночи были вскрыты урны, оказалось, что все голоса до одного были отданы за кандидатуру друга, вождя, отца.

Сколько возмущающих патристических наплеваний было начертано на бюллетенях! Сколько светлых благодарных строк, написанных от всего сердца, от всей полноты нахлынувших чувств!

В местные Советы депутатов трудящихся, наряду с выдающимися государственными деятелями, учеными, мастерами искусств, известными всей стране, были избраны тысячи простых людей, рабочих, колхозников, интеллигентов — переводчиков социалистического труда. Такова уж природа советской демократии, что она глубоко народна и к высотам власти приводит тех, кто живет интересами народа, отдаст ему все свои знания и таланты.

Вот почему с такой охотой, с таким доверием и любовью отдавали избиратели свои голоса людям, чья жизнь и труд служат залогом их будущей прекрасной деятельности на благо трудящихся, во славу отечины.

Кому бы ни отдавали свои голоса советские люди, всем сердцем они голосовали за Сталина. Все пять республик, проводивших выборы, превратились 21 декабря в огромный единый Сталинский округ.

Всюду и везде патриоты отдавали свой голос за Сталина, за Родину, за коммунизм! И тем самым они выражали свою готовность и вперед служить беззаветно и преданно делу Ленина — Сталина, делу коммунизма!

В этой монолитности народа выразилась вся мощь советской государственности, социалистического строя, все величие нашей справедливой демократии. В этом выразилось могущество нашей страны, идущей в авангарде человечества.

Несокрушима эта мощь! Непреодолима эта правда! Огромна притягательная обаятельная сила этой правды для всего передового человечества.

Есть над чем порадоваться международным студентам и политическим бакалаврам, студентам демократических свобод, ополчающимся не только против советского народа, но и против своих соотечественников.

21 декабря — еще одно внушительное напоминание зарвавшимся господам, завесившим над миром свои заребушие лапы.

В числе новых народных избранников немало советских писателей. Как и на предыдущих выборах, народ оказал великую честь нашей литературе, выдвигнув выдающихся ее представителей в органы власти.

Это возмущающее доверие налагает на советских писателей новые и новые высокие обязательства. Оказывая писателям такую честь, избиратели ждут от писателей не только активной деятельности в качестве депутатов, но и новых произведений. Государственная деятельность литератора неразрывно связана с его творчеством. О нем судят прежде всего по его книгам. Каждая удача писателя — это явление не только художественное, но и глубоко общественное.

Советские писатели еще в большом долгу перед народом. Какие замечательные книги предстоит написать, чтобы хоть в малой мере выразить творческий и политический пошлем народа-создателя!

Советская литература — самая демократичная литература мира. Она кровно связана с миллионами простых людей. Она служит общенародному делу. И партия, народ радуются удачам писателей, открывающим и прямо критикуют их неудачи. В этом сила, в этом залог развития советской литературы.

Писатели должны быть достойны народа, который 21 декабря с новой силой продемонстрировал миру свою великую демократию, свое единство и могущество, свою веру в победу коммунизма, свою верность большевистской партии, свою любовь к великому Сталину.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 66 (2381)

Среда, 24 декабря 1947 г.

Цена 40 коп.

ДАДИМ СТРАНЕ БОЛЬШЕ БУМАГИ!

У вас много резервов, товарищи бумажники!

Где ваша слава!

ЛЕНИНГРАД. (Спец. корр. «Литературной газеты»). В просторном кабинете директора Ленинградского бумажного завода им. Горького мы увидели переходящее Красное знамя Совета Министров СССР. Но, увы, это знамя только временно в кабинете директора: коллективу горьковцев оно больше не принадлежит... Об этом с горечью и болью рассказывали нам и руководители фабрики, и начальники цехов, и рабочие. Десять месяцев фабрика им. Горького неизменно выходила победителем в социалистическом соревновании предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, а в ноябре фабрика потеряла знамя.

В декабре предприятие не только не сумело вернуть утраченную славу, но стало работать еще хуже. Что же произошло с одним из крупнейших предприятий бумажной промышленности, снабжающим бумагой более пятидесяти издательств Советского Союза, а по производству газетной бумаги занимающим второе место после Балашихи?

Да, были перебои в снабжении электроэнергией, сказавшие отрицательно на нормальной работе фабрики. Но она была не только в декабре, а и в ноябре, и в октябре. Сами руководители фабрики в открытом разговоре с нами признали, что главная причина заключается не в перебоях подачи электроэнергии, а в другом.

Крупное предприятие не может жить, не думая о завтрашнем дне. А руководители фабрики, выполняя и перевыполняя план в недавнем прошлом, довольствовались достигнутым и не готовились к тому, чтобы выполнить пятилетку в четыре года. Фабрика задержала на прежнем уровне и отстала от предприятий, идущих в авангарде соревнования за выполнение пятилетнего плана в четыре года. А ведь горьковцы могли и должны были идти в первых рядах!

Мы долго беседовали с тов. Шуко, прошедшим путь от рядового пресовщика до начальника крупнейшего цеха. Еще в прошлом году он, совместно с главным механиком тов. Грудом, разработал проект, коренным образом изменяющий технологический процесс изготовления бумаги на фабрике им. Горького. Осуществление этого проекта позволило бы, по индивидуальному отзыву специалистов, увеличить выпуск, улучшить качество бумаги, сэкономить большие средства и, наконец, высвободить большое число квалифицированных работников, в которых остро нуждается все цехи. Проект получил одобрение, но дальше дело не двинулось. Между тем, трудно переоценить значение этого проекта для фабрики им. Горького.

Каждый, кто впервые видит бумажную машину, не может не восторгаться работой этого умного механизма, выпускающего 270 метров бумаги в минуту! Но, выйдя на бумажный цех на лесную биржу, где производится бумага, мы поразились тому кустарнику, который царит на отечественном участке. Несмотря на наличие электродвигателей и коробочных машин, лес-

ная биржа так же далека от современной механизации, как допотопная конка — от троллейбуса. Прежде чем баланс поступит в цех, где еловые стволы превращаются в древесную массу, каждое поле поживает в руках рабочих не меньше десяти раз. Его переносят с одного места на другое, переключая с тележки на тележку — грузят и разгружают, снова грузят и снова разгружают...

Конечно, давно можно было бы механизировать работу и на лесной бирже. Сейчас, когда необходимо использовать все резервы повышения производительности труда, механизация лесной биржи дала бы большие результаты.

В фабричной газете «Бумажник» мы прочли заметку инженера Смирнова, написанную в связи с обращением писателей к бумажникам. Автор ее сообщил о неиспользованных резервах и, в частности, совершенно справедливо указывал на недопустимое опоздание с вводом в строй еще одной бумагоделательной машины.

Не понимаем, что машина эта находится за тридевять земель: она здесь же, на фабрике. Машина действовала до войны, и сейчас режь идет лишь о быстрейшем ее восстановления. Только сегодня ее пускает, руководители фабрики забывают о завтрашнем дне, об обучении людей, которые будут управлять этой сложной машиной.

О подготовке кадров следует сказать особо. Это самая острая проблема, и не только для фабрики им. Горького. Сеточник — центральная фигура бумажного производства. Чтобы овладеть этой специальностью, нужна многолетняя практика. Обычно молодой рабочий начинает свой путь с прессовщика, а затем постепенно осваивает специальности накатчика, помощника сушильщика, сушильщика, и лишь пройдя все эти ступени, он становится мастером бумагоделания — сеточником.

За годы войны перешли ряды квалифицированных рабочих фабрики. С трудом были укомплектованы бригады сушильщика и сеточников. Но стоит одному из сеточников заболеть или уйти в отпуск, как сразу перед начальником цеха встает вопрос: кем заменить его?

Можно смело утверждать, что подготовка новых кадров для бумажных фабрик в Ленинграде никто не занимается, хотя всем известно, какой большой удельный вес занимает Ленинград и его область в бумажной промышленности. Еще в 1946 году было вынесено решение о создании ремесленного училища на фабрике им. Горького. Но, увы, это так и осталось только благим намерением. В прошлом году, как это ни странно, не было помещено для мастеровых и обещания. Многие старые мастера хотели отдать своих детей в ремесленное училище бумажников: они мечтали, чтобы их дети пошли по пути отца и овладели профессией, в которых остро нуждается бумажная промышленность. От родителей были приняты заявления, но на этом все и закончилось: Ленинградское управление трудовых резервов училища так и не открылось...

Чем дальше в лес, тем... меньше дров

Мы — в Вологодской области, в центре северного лесного царства. Отсюда крепкий лес везут в Донбасс и Полесье, а на бумажном комбинате имени Куйбышева той же Вологодской области машины работают не на полную мощность... из-за недостатка древесины.

Об этом говорит и директор комбината П. Масок, и главный инженер И. Гальперин, и работники лесной биржи и ТЭЦ. И это правда. Еще 13 декабря управляющий трестом «Вологодобумлес» А. Шаров и заместитель начальника Вологодской конторы Главлесхоза А. Левкинские заверили бригаду писателей, что «завтрашний день» на комбинат будет ежедневно отправляться 60 вагонов леса — то, что требуется по плану.

«Завтрашний день» наступил трижды, а обещания вологодских лесных владельцев вышли за пределы благих намерений. Тринадцатого декабря комбинат получил шестнадцать вагонов леса, четырнадцатого — двадцать семь. Целлюлозный завод комбината вмещает шестидесяти тонн в сутки дает тридцать пять—сорок (нехватает шпены), котлы ТЭЦ комбината работают в полсилы. И начинается пресловутая цепь «объективных» причин, приводящих к невыполнению плана.

Справедливо требуют снабжающих организаций увеличения поставок древесины, дирекция комбината до сих пор не надела порядка на собственной лесной бирже, расположенной всего в километре от бумажной рубильной станции. Здесь замеры штабелями сложено двадцать восемь тысяч кубометров дров, предназначенных на случай задержки подвоза топлива. Как бы ни трудно было вырубать из леса и перерабатывать в мотовозам дрова, — это необходимо делать заранее и систематически, а не в последнюю минуту, когда комбинат под угрозой остановки.

О необходимости механизировать трудоемкие процессы на лесной бирже разговоры велись давно. Полтора месяца назад на комбинате был объявлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение. Но конкурс «обвалил» и забыли, его не опубликовали — в результате на предприятии с многотысячным коллективом не было получено ни одного рационализаторского предложения от рабочих. Леса на комбинате не стало больше...

Так одно из предприятий бумажной промышленности, построенное в центре лесных массивов, испытывает острую нужду в древесном сырье и древесном топливе.

Поистине — чем дальше в лес, тем меньше дров.

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»: Л. ОШАНИН, Я. САШИН, А. НАТОЛЬСКИЙ. Комбинат им. Куйбышева. Вологодская область. (По телеграфу).

БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

С чувством горечи прочли мы справедливые упреки, высказанные советскими писателями в их обращении к бумажникам, опубликованном «Литературной газетой».

Вы спрашиваете нас, дорогие товарищи, почему мы до сих пор не достигли довоенного уровня? Почему работаем на заниженных скоростях? Почему качество газетной бумаги все еще не соответствует требованиям полиграфии?

У нас на Балашихинском комбинате есть трудности, устранение которых зависит не только от нас. Систематические перебои в снабжении электроэнергией, неадекватная древесина, недостаток различных материалов, плохое качество «дедовских» машин — все это выливается нас из графика, вызывает излишние простои, влияет на качество бумаги. Но дело не только в этом. Мы должны открыто признать, что есть у нас множество неполадок, в которых виноваты мы сами!

Беза в том, что мы не всегда умеем доводить до конца разработанные планы организационно-технических мероприятий. Не на должной высоте у нас трудовая дисциплина. Нет четкой взаимосвязи между цехами и сменами.

К нам пришло много новых рабочих. Следовало бы наладить техническую учебу, а ее, по существу, не проводится. Отдельные вехи хорошо работают, есть отличные стахановцы. Замечательные показатели в теплоэлектростанции. Хорошо работает и коллектив целлюлозного завода. Передовой мастер Т. Шмелев сумел овладеть в техническую учебу всех рабочих своей смены. На лесной бирже по-стахановски работает бригада Т. Маслова. В цехе шпиротерапии молодежная бригада Т. Баймашиной за десять месяцев выполнила полуторогодовалую программу, а весь цех в целом досрочно закончил годовую план.

В бумажном цехе, по предложению мастера Давыдова, внедряется метод Николая Российского. Сеточники Власов, Хайдуков, Панкратов, Кошелев, Котов, Березин и резница Кузнецова — лучшие стахановцы, по которым многие равняются. Но опыта лучших мы, к сожалению, не распространяем как следует.

В октябре мы дали родине максимальное за последние шесть лет количество бумаги. Наш комбинат получил тогда переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и премию. Но ноябрьский план мы упустили из рук, выполнив производственную программу всего лишь на 94,8 проц. Вина за невыполнение плана целиком лежит на нас самих. После достигнутых успехов отдельные работники проявили недопустимую беспечность. В начале ноября на третьей бумажной машине был установлен новый якорь к мотору. Но неожиданно разлетелся бандаж якоря, машина вышла из строя и простояла около трех суток, ибо запасного якоря у наших электриков не оказалось.

С полной ответственностью за свои слова мы утверждаем: у нас много резервов, которые до сих пор не мобилизованы. В первую очередь мы представляем счет к руководителю комбината и требуем от них более четкой организации плано-предупредительного ремонта оборудования, повышения качества работы механического цеха и древесномассового завода. Необходимо организовать на высоком уровне техническую учебу и вовлечь в нее всех рабочих. Мы представляем претензии и к нашему министерству. Несмотря на бесчисленные жалобы и сигналы о негодности продукции, изготовляемой ленинградской текстильной фабрикой «Нева», о непригодности сеток, выпускаемых заводом нашего министерства в Краснокамске, о непригодности обмуро-

вочных плит для варочных котлов, которые производит Шекснинский завод Министерства строительных материалов, — все наши жалобы остаются без ответа. А ведь кому же, как не министерству, надлежит бороться за качество материалов, которые идут от поставщиков?

Присылаемые московским заводом «Каучук» прижимные валы приходят через несколько дней обмотавшись проволокой, чтобы не отстала резина. А из-за этого страдает качество бумаги!

Хотелось бы знать, что предпринимает аппарат министерства, чтобы добиться снабжения нашего комбината лучшей продукцией?

Мы уверены, что вы, товарищи писатели, поддержите наши справедливые просьбы и поможете сломать равнодушие к нашим нуждам.

Со своей стороны мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы выполнить принятые обязательства и дать стране как можно больше высококачественной газетной бумаги. Начальник смены бумажного цеха Шишкин, начальник смены древесномассового завода Мельгунов, начальник смены лесной биржи Антонов, мастер ТЭЦ Нутин, мастер 2-й бумажной машины Еремин, бригадир-сеточник 1-й бумажной машины Березин, машинист турбин Соколов, слесарь ТЭЦ Жихарев, бригадир целлюлозного завода Сазонов, бригадир кислотного завода Ренин, бригадир древесномассового завода Лобачев, сортировщик древесномассового завода Хлыстова, стахановец лесной биржи Матвеевич, парторг бумажного цеха Бугров, парторг целлюлозного завода Киреев.

ПРАВДИНСК, Горьковской области.

КОРОТКИЕ СИГНАЛЫ

НА РЕЛЬСАХ...

◆ Соликамский бумажный комбинат напоминает Перской железной дороге о необходимости отгрузить в декабре все сверхнормативные отходы бумаги. К 22 декабря дорога подала на комбинат всего 69 вагонов вместо запланированных 346. Министр путей сообщения тов. Ковалев неоднократно предлагал оказывать максимальное внимание и содействие Соликамскому и Краснокамскому комбинатам. Неужели начальники дорог тов. Самохвалов требуют еще дополнительные указания?

◆ Директор Волковского цементного завода тов. Веселов ежедневно получает из Москвы несколько телеграмм, подписанных руководителями Министерства промышленности строительных материалов и

Министерства путей сообщения. Телеграммы эти имеют одну цель: продлить цемент предприятия бумажной промышленности Белоруссии.

Оказывается, однако, что эти телеграммы самовольно не открываются. По сообщению московской конторы Главлесхоза, от вечающей за снабжение белорусских фабрик цементом, на управление Врест-Литовской железной дороги могут воздвигать только, живые толчки, а не мертвые телеграммы начальства. Неужели придется бумажникам на этот раз также прибегнуть к толчкам?

◆ Директор Ингурского бумажного комбината тов. Джанашия просит у «Литературной газеты» помощи и содействия: комбинат, выполняющий важный заказ по изготовлению тетрадных, писчей и печатной бумаги, вынужден часту простоять из-за задержки в получении целлюлозы. Целлюлоза идет из Прикамья. Вернее, впрочем, сказать: не идет... Не идет потому, что на пути продвижения грузов железнодорожники не оказывают целлюлозе необходимого внимания. Управление Закавказской дороги вот уж который месяц не может получить сведения, где же находится те десятки вагонов, которые должны прибыть на Ингурский комбинат, давно покинувший станцию отправления и никак не найдут станию назначения...

Министр отвечает колхозникам

Выступления «Литературной газеты» по вопросам электрификации сельского хозяйства имеют весьма важное принципиальное значение.

Быстрейшее осуществление плана электрификации колхозов и внедрение электроэнергии в производственные процессы сельского хозяйства потребуют более широкого привлечения целого ряда отраслей союзной промышленности, а также предприятий местной промышленности и промышленной кооперации для решения этих задач.

Фондируемое электрооборудование — электромоторы, генераторы, силовые трансформаторы, высоковольтная аппаратура, кабельные изделия и другие электротехнические изделия, изготавливаемые заводами Министерства электротехники и промышленности для нужд сельского хозяйства, выделяются непосредственно Министерству сельского хозяйства.

Фонды Министерства сельского хозяйства в 1947 году по большому числу изделий заводами Министерства электротехники и промышленности и конторы Главлесхоза реализованы: недостающая часть будет слана из декабрьского выпуска.

Предприятия Министерства электротехники и конторы Главлесхоза в порядке мобилизации своих ресурсов передали для нужд сельского хозяйства значительное количество электрооборудования и электротехнических изделий. Однако потребность в электротехнических изделиях еще не удовлетворяется.

Жалобы отдельных колхозников на трудности в приобретении отдельных электротехнических изделий, в частности претензии парторга колхоза «Красное Кемальто» тов. Чугунова, выступившего 29 ноября в «Литературной газете» № 59, следует признать справедливыми.

Нехватка электротехнических изделий в установочных изделиях (втулок, воронок, розеток, розеток, предохранителей, выключателей и т. п.), объясняется тем, что предприятия местной промышленности и промышленности, которые до войны выпускали от 50 до 80 процентов всех этих изделий, не развернули еще выпуска электротехнических изделий.

По постановлению Совета Министров СССР от 11 марта 1947 года, к производству установочных изделий привлечены, кроме Министерства электротехники, электростроительной, сельскохозяйственного машиностроения, нефтяной промышленности восточных районов, вооружения, химической промышленности, а также предприятия местной промышленности, промкооперации и Всекоопсоюза.

Однако целый ряд ведомств еще не выполняет установочных планов выпуска этих изделий. За десять месяцев 1947 года заводы Министерства электротехники и промышленности выполнили годовой план по электротехническим изделиям на 140 процентов, по электротехническим на 87 процентов, по розеткам на 128 процентов, по пробкам на 89 процентов; в то же время заводы Министерства химической промышленности план по электротехническим изделиям выполнили только на 32 процента, по выключателям на 41 процент, по розеткам на 62 процента. Не лучшее положение и на заводах Министерства электротехники. Предприятия местной промышленности РСФСР, промкооперации и Всекоопсоюза выполняют план по выпуску этих изделий от 40 до 70 процентов.

Министерство электротехники принимает меры к дальнейшему увеличению выпуска и своевременной поставке электрооборудования и электротехнических изделий для сельской электрификации, а также к усилению зазора этих изделий в конторы и магазины Главлесхоза для отпуску на местах по парям и для продажи населению. Следует полагать, что остальные поставщики оборудования для нужд сельской электрификации также примут необходимые меры.

Тов. Чугунов в своем письме правильно ставит вопрос о необходимости ликвидации дорогостоящих поездов представителей колхозов в поисках нужных электротехнических изделий. Для улучшения снабжения населения электротехническими изделиями, в соответствии с решением правительства, торговая сеть Главлесхоза будет увеличена на 34 магазина.

Во всему этому следует прибавить следующее: наряду с мерами, принимаемыми Министерством электротехники, конторы Главлесхоза, созданные во всех крупных городах и районах пентрах страны и подготавливаемые осуществлять работу по сельской электрификации, должны сделать все от них зависящее для снабжения колхозников необходимыми материалами, получаемыми от промышленности.

Считаю необходимым заявить, что работники электротехники, сознавая свою ответственность за сельскую электрификацию, примут все меры к тому, чтобы выполнить поставленные перед ними задачи.

Министр электротехники СССР И. КАБАНОВ.

СОВЕТСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЗА 30 ЛЕТ

В Большом зале Московской государственной консерватории открыта выставка «Советская музыкальная культура к 30 летию Октября».

На выставке представлено три с половиной тысячи экспонатов. Среди них: доска почета с именами композиторов — лауреатов Сталинской премии, ноты музыкальных произведений, макеты театральных истининок на музыку советских композиторов и многие другие экспонаты.

Одно из центральных мест на выставке занимает прекрасная сделанная карта Советского Союза, где отмечены города и районы, в которых работают консерватория, филармония, научно-исследовательские музыкальные учреждения, музыкальные училища, школы, музеи.

Богато представлена музыкальная жизнь всех шестнадцати республик нашей страны. Широко показан расцвет народного творчества. Выставка рассказывает о профессиональных хорах, оркестрах и танцевальных коллективах. Их в нашей стране 28 тысяч. Больше миллиона человек входит в сельские хоры, оркестры, агитбригады и танцевальные ансамбли, выступающие на смотрах художественной самодеятельности, в деревенских клубах, домах культуры, избах читальных и полных станках. Специальный раздел посвящен музыкальной самодеятельности Советской Армии. Несколько стендов отведено показу успехов советской музыки за рубежом.

ПИСАТЕЛИ — ИЗБРАННИКИ НАРОДА

Окружные избирательные комиссии вручили удостоверения писателям, избранным в депутаты Московского областного, городского и Краснопресненского районного Советов депутатов трудящихся.

Депутатом Московского областного совета избран А. Перенцев, Московского городского совета — А. Фадеев, Л. Леонов, В. Иванов, Н. Вирта, С. Михалков, А. Сурков в Краснопресненском районного совета — И. Андроников, А. Карцев и В. Смирнова.

Всесоюзное совещание по вопросам детской литературы

ЦК ВЛКСМ совместно с Союзом советских писателей и Министерством просвещения РСФСР созывает в феврале 1948 года Всесоюзное совещание детских писателей. В совещании примут участие более 150 писателей и работников редакций детских газет и журналов.

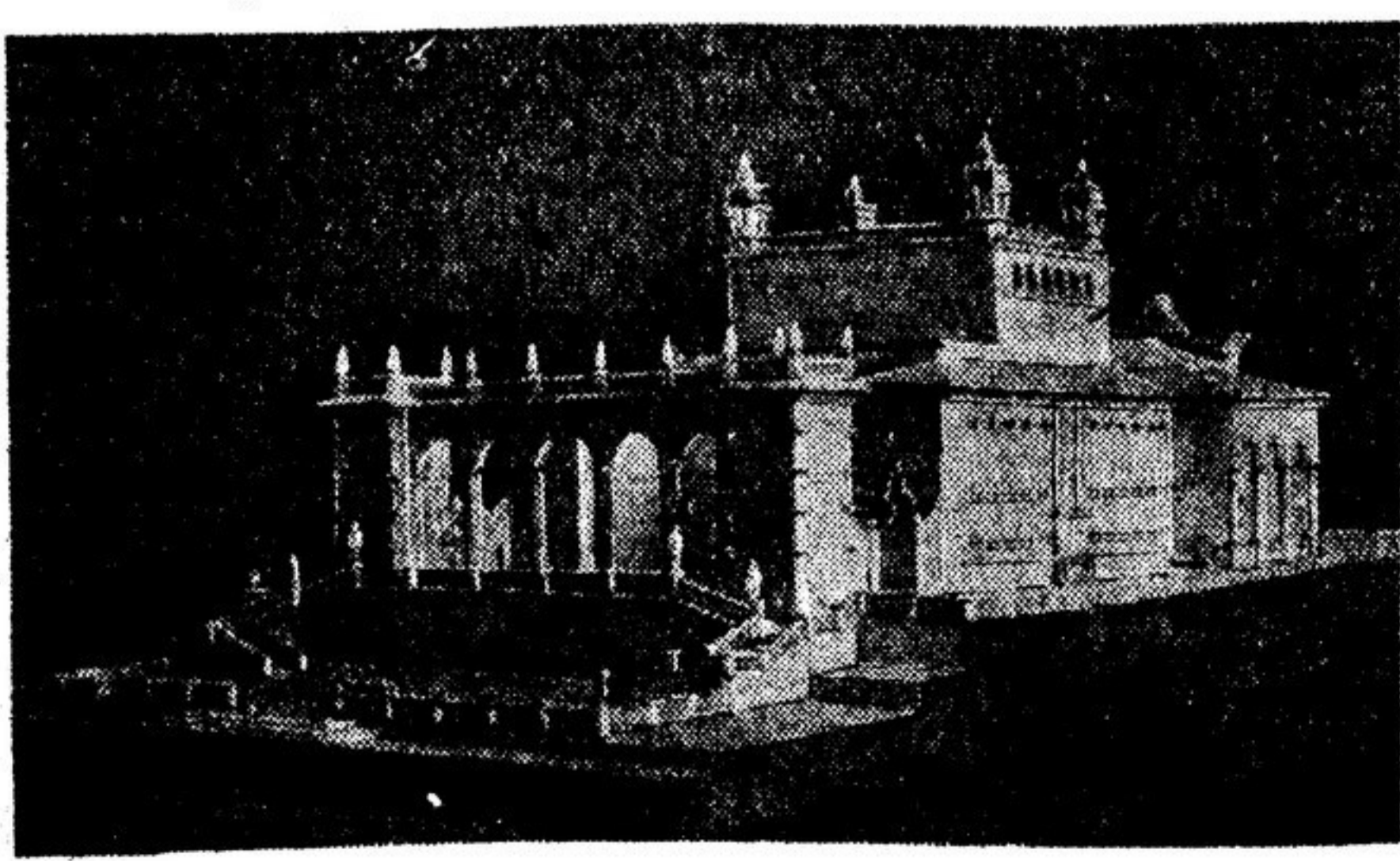
Для участников совещания будут проведены творческие семинары по секциям

прозы, поэзии, драматургии, научно-популярной литературы и критики детской литературы. Руководители семинаров — писатели С. Маршак, С. Михалков, Л. Кассиль, М. Ильин, В. Смирнова. К совещанию будет выпущен альманах из произведений детских писателей и приурочено открытие выставки детской книги.

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В числе кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных, избранных депутатами Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, — пять писателей: А. Прокофьев, Б. Черков, Л. Рахманов, В. Кетлинская и главный редактор «Звезды» Н. Дружин.

Депутатами Дзержинского районного совета избраны И. Соколов-Микитов, И. Груздев, К. Ванин.

Строительство театра в Улан-Уде

Владелец в этот строительный театр драмы и оперы в столице Бурят-Монгольской АССР. Это первый в Бурят-Монголии большой театр воздвигается по проекту московского архитектора А. Федорова. Уже закончена кладка стен, строители приступили к установке ступеней. Полностью сделана вся сценическая часть. Для того чтобы проложить отделочные работы внутри здания зимой, поставлена в действие система отопления. (Одновременно большой коллектив художников приступил к оформлению сцены театра. Художники Г. Рублев и В. Нордландский представили весьма большое панно, которое украсит аркадный зал. Талантливо искусство народов Бурят-Монголии. Правительственную помощь в строительстве театра оказывает директор искусств РСФСР, народный художник БМАОСР Червяков Савилов. Скульптуры на канители, панно в другие летние работы делает лауреат Сталинской премии Н. Томский. Бурят-Монголия жителя Улан-Уде. НА СНИМКЕ: идет строительство в городе Улан-Уде театра драмы и оперы.

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Обсуждение романа В. Пановой «Кружилка»

НЕЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ

Какой опасный замысел: найти своеобразную структуру романа и потом повторить ее в другом произведении...

Казалось, форма «Спутников» создана именно для той необычной обстановки, в которой протекает действие романа...

В «Кружилке», новом романе, В. Панова повторила структуру «Спутников» и как бы сказала этим, что форма первого романа может быть универсальной...

«Кружилка» посвящена жизни большого завода в последние месяцы войны и первые месяцы мира. Герои — члены заводского коллектива...

Директор завода Листопад, главный конструктор, парторг Рябухин, председатель завкома Уздечкина, станинкома, семьи работников завода, подростки, взятые за производственный труд в военные годы — перед читателем множество характеров и судеб...

Мастерство Пановой выросло, окрепло. Ее характерные выразительные и нарядные лаконичны. На двухстах страницах романа проходит около тридцати людей — и каждый из них очерчен своеобразно...

Панова — превосходная наблюдательница, внимательный психолог. Она умеет показать противоречия в человеческой душе, она ничего не скрывает от читателя...

Искренность — вот одна из самых привлекательных черт Пановой. Она все идет на суд читателя, словно говорит каждой строкой — вот таких людей я наблюдала и в такой обстановке, вот такими они мне видятся, замечательные люди, добрые люди, примите их в свое сердце, как я приняла...

И в критическом разговоре о талантливых романах хочется быть таким же искренним, как сам автор, и кое о чем с ней серьезно поспорить...

Почти все герои Пановой так интересны. Это успех художника. Немногих мы примем в свое сердце, но всех примем разумно без серьезных оговорок. В этом полнота удача художника-мыслителя...

У нас спор с героиней романа, а с позицией автора. Листопад, директор завода, сильный, влюбленный в свое дело человек, создатель в лучшем смысле слова. Кажется, что он может стать нашим героем...

Значит, снова не будет счастья. Много у Листопада недостатков. Автор видит и помнит их. Не ладит Листопад с председателем завкома Уздечкиным; в их сложном споре с обоюдно правотой и обоюдно неправотой позиция Листопада часто неприятна, высокомерна. Парторг стремится их примирить, но ему ближе Листопад...

Значит, хорошее в Листопаде важнее, плохое прощается за хорошее? Пусть так. Но ведь нельзя в художественном произведении это только декларировать одной-двумя репликами. Если автор того же мнения, что парторг — пусть свет и тишь он расподжигает так, чтобы читатель видел, где важно, а где второстепенно, над чем ему задуматься, а что легко простить герою...

Недостаток мастера писателя? Нет, несколько. Это позиция автора. Позиция объективного, очень объективного наблюдателя, который словно боится, акцентирован одно, а другое упоминает мельком, оказывает давление на читателя, склоняет его к своим вкусам, своим симпатиям. Но читатель в результате чувствует себя не свободнее в среде героев романа, а скованнее...

Можно предположить, что Листопад автору нравится, но нам-то трудно отнестись к нему эмоционально, трудно определить свое отношение к человеку. Завбота о равновесии, объективности мешает В. Пановой показать взаимодействие всех свойств натуры, взглядов и привычек героя, показать главное...

Какой хороший человек парторг Рябухин! После тяжелого ранения и временной слепоты он всех людей увидел прекрасными — и лица и души. Это ощущение красоты человека так и осталось у него. Мы готовы полюбить Рябухина. Но вот он на работе...

Простой спор Листопада с Уздечкиным об опородах. Уздечкин требует всю землю под индивидуальные опорода. Листопад хочет обработать ее силами колхозного хозяйства и вать рабочим картошку. Спор кончается спором. Уздечкин предлагает из кабинета, хлопнув дверью. А парторг? Он как будто становится на сторону Уздечкина...

В. Панова, «Кружилка», «Знамя», 1947 год, № 11, 12.

А. ИВИЧ

на, но робко, неуверенно. И Листопад с ним быстро расправляется: «Брось, Рябухин, это твоё интеллектуальное вымышление». И Рябухин умоляет. Только после ухода Уздечкина он опять неуверенно говорит: «Ты его раздразнил своим тоном... Так нельзя. Он человек нервный...»

Позицию непримиримости занял Рябухин, позицию немешательства, такую же, как Панова в отношении своих героев. Разве это позиция для парторга?

Вот один абзац, в котором, как на ладони, и Рябухин и... позиция автора. Речь идет о бывшем кулаке.

«Рябухин смотрит на него со сложным чувством. Рябухин воспитан в духе отращения к эксплуататорам всех видов и категорий, и прошлое Мартьянова претит ему так же, как Паулу, откровенно называвшему Мартьянова мифологом. Но, с другой стороны, ведь он давно уже не мифолог, он отличный токарь, о нем отзывались с высокой похвалой, как о работнике. А богатая наружность его Рябухину по-настоящему нравится, и манера держаться — тоже».

Так что ж — Мартьянов хороший или плохой? Парторг, очевидно, не знает, автор не высказывается, и у читателя остается... сложное чувство. А зачем нам в данном случае сложность? Если все плохое у Мартьянова в прошлом — это можно почитать. Но, отличный токарь, он и отличный пьяница; в разговорах с другим своим Мартьянов в общем мало симпатичен. Может ли он вернуться к показкам мифолога, если дать ему волю, или он стал советским человеком? Неясно, автор не дает материала для решения этого вопроса...

Хорошее и плохое — в равновесии. Хочешь, верь Мартьянову, не хочешь — не верь. Панова не отходит от жизненной правды. В самом деле, ведь бывает у каждого иной раз недоумение — можно ли верить такому-то? И ошибки случаются. Но почему же автор ограничивает свою роль только фиксацией облика бывшего кулака, ныне хорошего токаря, с пьяным надрывом выпрошающего своего друга, станинкома Веленева — «отрывает» ли он свои грехи?

Сложнее всего с Уздечкиным. Он неприятен с первой страницы до последней. И в то же время часто оказывается прав. Например, Уздечкин первым обращает внимание, что заводские цеха Грушевой забиты не о производстве, а о своей славе. Листопад говорит, что ему это безразлично — он же работает хорошо. Но после войны все отрицательные черты Грушевой, подмеченные Уздечкиным, очень дают о себе знать...

А на Уздечкина сваливаются все мыслимые и немисляемые несчастья. Он потерял на фронте жену, сам болен туберкулезом, у него украли профсоюзные деньги и три четверти заработка приходится отдавать на покрытие долга. Дома не ладится; с братом жена, похоронком Толей. Уздечкин встает себя так неправильно, что в его семейную жизнь вынужден вмешаться парторг.

Когда мы читаем, как Уздечкин стрижет ногти дочке — это должно бы нас трогать. Но так неприятен Уздечкин, что деталь эта не трогательна, а тоже неприятна, кажется пазнише натуралистичной. И в то же время Уздечкин кристально честен, бескорыстен, предан коллективу. И в то же время Уздечкин туповат, озлоблен, недоверчив.

Ну как справиться нам со всем этим ворохом противоречий, как определить, чего же стоит Уздечкин на самом деле? Это невозможно. Скрупулезная, внимательная демонстрация его достоинств и недостатков разбивает цельность образа. Что нам делать с Уздечкиным? Полюбить его невозможно, ненавидеть было бы несправедливо. Все же неприятно к нему переосмысливать, трудно представить себе читателя, которому Уздечкин понравился бы. Листопад с ним примиряется. Читатель — не очень. Но не любя Уздечкина, чувствуешь себя неловко — словно напрасно обидел человека. В сущности, несправедливо относиться плохо к такому порядочному человеку, хорошему члену партии.

Этой нелюбови к хотела Панова? Возможно. Есть в романе глава «Ночь», где очень, по-моему, плохой человек, шофер Мирюев, любитель работы «налево», просящий благие порывы. Веленева говорит Мартьянову, что он оторвал свои грехи. Листопад, смягченный разностью любви к Нонне, мирится с Уздечкиным.

Очень ярочно написана эта глава. Она кончается словами «Спокойной ночи, люди добрые!»

И вся огромная любовь Пановой к советским людям, из которых каждый чем-то хорош, чем-то полезен или может быть полезен родные, словно сосредоточилась в этой короткой колыбельной.

Подкупает эта доброта, эта искренность. Но почему же так безжалостна Панова к людям добрым, что все их недостатки ставит под луж проектора, заставляя нас несколько раз менять свое отношение к героям — и в конце концов оставаться в недоумении? Почему она так добра к людям недобрым, что ставит под луж проектора медальчики их достоинства?

Это не гуманизм, а отказ от права на оценку человека. Мало пожелать людям спокойной ночи, мало знать, какими они подумают после сна, видеть их завтрашний день: что же перевесит — плохое или хорошее? В отношении многих героев «Кружилки» это вовсе не ясно.

Есть в романе и образы не услаженные — например, Марьяка, дочь Веленева, немного влюбленная, но по-настоящему хорошая женщина, станинкома, увлеченная своей работой, ощущающая познать и радость жизни. А станинкома, посвященные приехав матери Листопада, едва ли не лучшее в романе. Вот где правятся замечательный дар Пановой, ее умение на нескольких страницах разгнать историю людей, трогательную и поучительную. Это тонкая, о неграмотной крестьянке, ставшей государственным человеком, председателем колхоза, очень молодой в свои пятьдесят два года, со спокойной в своей преданности и светлым взглядом, обращенным в будущее.

И ясен нам человек, прозрачен, хотя и не так уж прост. Но здесь отчетливо симпатии автора.

Панова не дает людям счастья.

Начинаешь вспоминать, — а кто же счастлив в семейной жизни на Кружилке? У Листопада жена умерла, не судит счастья и новая его любовь. Вряд ли Нонна с ее сложным и строптивым характером легко согласится всегда жить и всегда уступать. Марьяна, вторая жена Веленева, отказалась иметь своих детей, чтобы не обидеть пасынков. У Маргариты Валериановны, жены главного конструктора, талантливейшего инженера, воспитателя инженеров и в то же время эгоцентриста с неясным характером, — тоже нет детей. Они мешали бы работе мужа. Маргарита Валериановна рвется к общественной деятельности, она сложилась с коллективом Кружилки. Муж, не справившись о ее желаниях, отравляет от любовной работы — он решает уехать на покой. И слабая попытка бунта против тиранки мужа, не замечаящего, что он тиранит жену, быстро вянет, даже не высказываясь вслух. Это отношение главного конструктора к своей жене перекликается с отношением Листопада к Клавье. Значит, речь идет о явлении типичном?

Даже проецируя в будущее даны несчастливцы семьи. Разве будет счастлив престарелый юноша, комсомолец Лидия Еремич, с преприятной и пошлой Лидой Еремич, так распускающей, выйти ли ей замуж за Сашу? «Прощо, причесано, муж будет носить на руках... Очень приятно, когда муж, влюбившись ко всем другим качествам, еще и хорошенький».

Почему столько неудавшихся и разрушенных семей, почему Панова так скучно и дорого дает людям добрым счастье?

Ответ — в размышлениях Нонны: «Но, видимо, какая-то плата всегда положена за счастье... Ради любви приходится человеку поступиться кое-чем своим; это почти физический закон — там, где одному простору, двум, естественно, приходится потесниться».

Но автор идет дальше Нонны. Нужно не только потесниться, но и много страдать прежде, чем личное счастье дастся в руки. Гармоничных личностей Панова не находит всегда с трудом — это мы видели и в «Спутниках».

Беззаветное увлечение своей деятельностью такого создателя, как Листопад, приводит к тому, что в любви он эгоистичен и небрежен. Панова оставляет это нам как неразрешенный конфликт.

А счастлив Алексей, муж матери Листопада, бросивший все ради любви, — хозяйственный, семейный. Почему же Панова находит пошлую гармонию чувств только там, где принесена большая жертва, где что-то счастье разрушено, чья-то жизнь разбита?

Писательница принимает частное за типичное. Разве так уж редки счастливые семьи, разве люди, всей душой отдавшиеся работе, обречены на одиночество, разве конфликт между увлечением работой и личной жизнью неразрешим? Если он неразрешим, значит — трагедия.

Таких, как Листопад, создателей, в нас существует преданных своему делу, у всех много. Об этом верно говорит секретарь горкома. Значит, чем больше таких людей — тем больше трагедий в личной жизни? Это, конечно, не так. Весь наш жизненный опыт, наши наблюдения показывают — это не так. Трагедия чувств отнюдь не типична для нашего общества.

Тут одно связано с другим. Панова не нашла разрешения конфликта чувств потому, что своих героев она рассматривает, как сумму положительных и отрицательных черт. Панова не показывает взаимодействие всех свойств характера и взаимодействия человека с обществом, средой, близкими.

В самом деле — люди у Пановой очень отделены один от другого. Каждый показан отдельно, в своей тональности, в своем строе мыслей и чувств. Столкновение тональностей не рождает лад. Симфония чувств, как симфония музыкальная — результат взаимоприключения, а не соседства музыкальных тем.

Вот же сказана опасность выбранной автором структуры романа. Она слишком жестка для раскрытия того, как люди добры во взаимодействии, во взаимоприключении образуют советский коллектив, побеждающий в войне и в мирном труде, коллектив, члены которого идут к счастью.

Люди добрые отделены один от другого перегородками глав романа. Они соприкасаются, радуют или раздражают друг друга, но не изменяют внутреннего мира своих близких, остаются соседями, спутниками.

Противоречивый, но и в своих противоречиях интересный, талантливый роман, вызывающий на размышления, на спор!

Сколько раз, читая его, говорю себе — да, это так и было, это так и есть, это правда. Атмосфера заводской жизни военных лет, приход подростков на производный день, бег, снования, множество деталей — все это подмечено точно и тонко, передано выразительно и объемно.

Принимаясь в свое сердце тех, о ком Панова сказала ясно, — мать Листопада, Марьяку, секретаршу Анну Иванову, Толю, старика Веленева, Сашу Колесникова. И повторяешь за автором: люди добрые.

Там же автор ставит на позицию немешательства в обид своих героев, где колеблется чашка весов, где сказано: вот в них хорошее, а вот плохое, сами решайте, какие они, — там колеблется и наше отношение к героям романа. Арифметическое сложения качеств недостаточно для определения подлинной ценности людей, недостаточно, чтобы принять их в свое сердце и повторить за Пановой — люди добрые.

Перелистываешь страницы романа. Смотряшь на этих людей, как на эскизы, сделанные мастером, эскизы, которые очень интересно рассматривать. Но не всегда видишь, для какой картины эскизы предназначены. Художник с изысканной фотографичностью распределял свет и тени в этом сниженном философском пейзаже романа.

Сказана правда, но не вся правда. Писатель передал ответственность за оценку своих героев на читателя и там, где должен был взять ее на себя.

В пьесе Б. Полевое «Неугасимое пламя» старый мастер Матвей Суслон обращается в своей дочери Наде, собирающейся выйти замуж за директора завода Андрея Кошарова: «— Ну, рассказывай, как у вас там с ним...»

Надя. Ну что это! Чего тут рассказывать. Он целый день занят. Я, с тех пор как в конструкторское перешла, — тоже. Только в столовке встречаемся, да по телефону говорим.

Суслон. Эх вы, лгушники хладнокровные... по телефону... Счетчик ребят-то вы тоже по телефону будете? Надя. Тятя!

Суслон. Ну шут с вами, хоть по радио. Пенитеренная ваша любовь.

Кошаров (выступил из-за угла). Почему не интересная, Матвей Моисеевич? Наоборот. Зарастайте! Как здоровье? Не ждите дальнейшего разъяснения этого «наоборот». Его нет ни в последующих словах Кошарова, ни в развитии действия пьесы. И правда как бы остается за старым мастером: «Неинтересная ваша любовь».

В романе В. Пановой «Кружилка» рассказывается о том, как директор завода Листопад, генерал и инженер, человек очень занятой, женился на студентке-практикантке. Рассказано об этом буквально в двух фразах: «И вдруг его потянуло к этой молодости, к этой беззаботности, свежести, доверчивости...» — Кончай, Клавия, эту музыку, — сказал Листопад об ее учебе, когда они поженились.

Прожить им вместе довелось недолго. Клавия умерла в ту ночь, когда должна была родить. После нее осталась дневник, который она вела стенографической записью. Секретарша Листопада этот дневник расшифровала, но о том, что там было написано, она своему директору рассказывать не стала. Она не хотела огорчать Листопада. Ибо стенографические записки записаны в духе отчаяния: выйдя замуж, Клавия оказалась одинокой и несчастливой. Листопад, занятый делами завода, на мог уделить ей ни одного дня. «Я не могу жить без счастья», — записывает Клавия. И после ее смерти Листопад тоже некогда был разобран в своих чувствах к ней.

Это было продолжением той самой «неинтересной любви», о которой говорит старик Суслон в пьесе Полевого. Но мы не намерены останавливаться именно на теме любви. Она интересна не лишь, как частица большой проблемы соотношения личного и общественного.

Много из того, о чем говорится в романе Пановой, в нашей литературе не ново. Директоров и главных инженеров, лишенных из-за своей занятости личной жизни (в элементарном и узком значении), мы уже встречали давно, например, в произведениях Василия Гроссмана («Глюкауф», сборник его рассказов «Счастье»). Мы встретили у него и предшественника председателя завкома Уздечкина из «Кружилки» Пановой, это само издранное Уздечкина, у которого после смерти жены остались две девочки и который вынужден сам стирать белье. У Гроссмана — это секретарь шахтарткома из романа «Глюкауф» («... Целый день котел, а вечером приходишь домой... Он оглянулся и заговорил совсем тихо, стываясь: — Я своим папанам больше старую, ей бог... Посмотреть на мою жену, семейную — повестица можа...»).

Роман и рассказы Гроссмана появились в начале второй пятилетки. Попытка писателя разрешить проблему счастья по-новому имела тогда положительное значение, даже если учесть то обстоятельство, что рассказ Гроссманом эта проблема наивно. Вместо того, чтобы показать, как в процессе творческого созидания новой жизни личное и общественное сливаются и личное счастье становится элементом общего счастья, Гроссман говорил о счастье лишь как о чем-то, достигаемом умозрительно, как о какой-то далекой цели, ради которой

ее замыслу, проявиться высшая форма любви, любви двух создателей, любви одухотворенной и творческой. Но из-за того, что создатели изображены неправдоподобными, единственное чувство, которое возникает при чтении страниц об их любви, это чувство любви к любви: а как это у таких («ядушки хладнокровные») получается? Сомнительное достижение для романа!

Вот перед вами молодая девушка-стакановка Лидя Еремича. Огромное чувство ритма, которым она обладает, дает ей возможность рационализировать процесс своей работы настолько, что ее индивидуальная выработка становится решающей для выполнения всей программы цеха. Вы готовы простить Пановой то, что в характеристике Лиды вносится скандально-истеричские качества. Девушка с нормовым. Вылетает. Но потом оказывается, что девушка не только с нормовым, но и с трезвым, слухом, трезвым житейским расчетом. Не чувствуя горячей любви к комсомору Саше Колесникову, она решает выйти за него замуж, потому что «Саша — это настоящая судьба: прочно, прилично, муж будет носить на руках. Он ее любит. И очень легко сделать так, чтобы любил всю жизнь». И она красиво подложила голову ему на грудь.

После всего этого мещанского расчета и наигранного позерства перестает верить в творческое начало людского труда: может быть, это расчет? Может быть, позерство? Мы знаем немало случаев, когда люди, не забывавшие от пережитых прошлого, совершали трудовые подвиги. Этого явления не могли обойти писатели в романах о первой пятилетке. Но хороши бы же художник, который играл бы на этом «раздвоенности личности», не увидел бы ведущего начала, определяющего новую судьбу и пересозидание человека!

Мне кажется, что герои Пановой получили такими из-за пороков творческого метода автора «Кружилки». В романе есть немаловажный разговор об искусстве. Художник Андрей говорит о том, что основной метод искусства — это правда и что искусство не нуждается в слогных украшениях, так как мир и без того прекрасен. Да, подлинное искусство социалистического реализма не нуждается в мишуре и смею говорить о правде жизни, ее красоте и ее трюностях. Но Панова спутала правду реалистическую с натуралистическим правдоподобием. Листопад правдоподобно, но правды жизни в этом образе нет. Нет правды о коммунистическом сознании. У Пановой зоркий глаз художника, но ее взгляд устремлен не вперед, а вниз, она подмечает и старательно подбирает доскушки старых чувств и мелочу отживших идей. Руководствуясь честностью и любовью к правде, она догоняет идущих вперед людей и насильно сует им обратно то, с чем они предпочитают расстаться навсегда. В результате такого «правдоподобия» ростки нового оказываются погребенными под кучей старого хама. Пример с Лидой Еремичной является в этом отношении чрезвычайно показательным. На характеристике Лиды писательница в сжатой форме продемонстрировала творческий метод всего романа.

Так плохо поняла правда оказалась неправдой. Так из-за этой неправды оказались не решенными (и не могли быть решены) важнейшие темы личного и общественного, тем счастья.

Одну из глав своего романа, в котором фигурируют всемирноизвестные люди, автор завершает восклицанием: «Спокойной ночи, люди добрые!» Я не хотел бы завершить свою статью словами о добрых намерениях и талантливых автора «Кружилки». Мне хочется сказать другое: людей, наших советских людей, нужно любить. И не только в восклицаниях!

ОТ РЕДАКЦИИ: Статьи гг. А. Ивича и В. Гоффеншера «Литературная газета» открывают обсуждение романа В. Пановой «Кружилка», так как здесь-то и должна была, по

ее замыслу, проявиться высшая форма любви, любви двух создателей, любви одухотворенной и творческой. Но из-за того, что создатели изображены неправдоподобными, единственное чувство, которое возникает при чтении страниц об их любви, это чувство любви к любви: а как это у таких («ядушки хладнокровные») получается? Сомнительное достижение для романа!

Между тем, уже в те годы в самой жизни и литературе проблема личного и общего и проблема счастья, творческого и реально осуществляемого, решалась иначе. Самым разительным примером в этом отношении были жизнь, деятельность, книги и высказывания Николая Островского.

И когда сейчас, на исходе 1947 года, читаешь произведение, в котором тема личного счастья снова решается по-прежнему, воспринимаешь это, как народную да ило приданный этап в нашей литературе. В конце концов, занятость — не отличительная черта советского человека. У О. Генири биржевой маклер забывает, что он вчера женился, и делает в обремененный перерыв предложение своей собственной жене, чем ввергает ее в недоумение и слезы. Но это только импрессионистический рассказ. Когда же в романе В. Пановой читаешь о том, как занятая Нонна Сергеевна спешит на долгожданное свидание в занатому Листопаду, то ловишь себя на мысли: «любешаю». И, действительно, помешали. Но ведь это не доведло, а роман!

В конце романа автор заставляет Листопада выступить в не свойственной ему роли патетического декламатора. Он сообщает нам о своем счастье («спасибо судьбе, что подослала умную парочку»), о строительстве, о ситности своей судьбы с судьбой государства, о будущих поколениях. Но личное и общественное у него существуют раздельно: абзац о Нонне и абзац о строительстве города, абзац о Ноннушке и опять же, скажем, абзац о величии наших обших целей. На деле проблемы личного и общественного существуют у В. Пановой в их старом противостоянии. На деле герои романа, в сознании и чувствах которых эти проблемы должны решиться, не являются новыми советскими людьми, способными эту задачу вспомнить.

Писатель — в особенности советский писатель — не может писать о людях, не любя их. Одним из привлекательных качеств «Спутников» Пановой является мягкая любовь к людям, которая сквозит в чуть-чуть ироническом, дружеском повествовании о них. В «Кружилке» этого нет. Исключением являются лишь старик Веленева и некоторые второстепенные персонажи. Что же касается главного героя, Листопада, то двину даешься, сколько усилий автор приложил к тому, чтобы не проявить к нему собственной любви и не выказать к нему доброго отношения со стороны читателя. Секретарь горкома говорит Листопаду: «Вялэбэ живете. Александр Игнатьевич, оглянувшись на себя нет времени. Целестремленность Листопада иногда смахивает на целестремленность робота. А если он оглянется на мгн, то оказывается эгоистом. Клавия была для него частью быта («А что же быт?.. — часть жизни. Чай вот пьешь? Бренский? Детинки есть? — вот и быт»). Нонна Сергеевна — «умная парочка», которую ему подбросила судьба. С Уздечкиным Листопад обращается, как зарпавский самодур, и т. д.

И новая возлюбленная Листопада также не вызывает нашего сочувствия. Название из подкрашенного льда, с математическим умом и самовлюбленным сердцем, существо, пребывающее вне жизни коллектива, — такова та, которая должна обогатить нас своими чувствами и своими мыслями о труде-творчестве (увы, довольно убогими; металлические детали и узлы в конструкции это — слова и строфы в поэзии). Но вы не чувствуете к Нонне Сергеевне ни любви, ни доверия, и вас абсолютно не волнует вся история Листопада и Нонны Сергеевны. Этот истории Панова придает большое значение, так как здесь-то и должна была, по

ее замыслу, проявиться высшая форма любви, любви двух создателей, любви одухотворенной и творческой. Но из-за того, что создатели изображены неправдоподобными, единственное чувство, которое возникает при чтении страниц об их любви, это чувство любви к любви: а как это у таких («ядушки хладнокровные») получается? Сомнительное достижение для романа!

Между тем, уже в те годы в самой жизни и литературе проблема личного и общего и проблема счастья, творческого и реально осуществляемого, решалась иначе. Самым разительным примером в этом отношении были жизнь, деятельность, книги и высказывания Николая Островского.

И когда сейчас, на исходе 1947 года, читаешь произведение, в котором тема личного счастья снова решается по-прежнему, воспринимаешь это, как народную да ило приданный этап в нашей литературе. В конце концов, занятость — не отличительная черта советского человека. У О. Генири биржевой маклер забывает, что он вчера женился, и делает в обремененный перерыв предложение своей собственной жене, чем ввергает ее в недоумение и слезы. Но это только импрессионистический рассказ. Когда же в романе В. Пановой читаешь о том, как занятая Нонна Сергеевна спешит на долгожданное свидание в занатому Листопаду, то ловишь себя на мысли: «любешаю». И, действительно, помешали. Но ведь это не доведло, а роман!

В конце романа автор заставляет Листопада выступить в не свойственной ему роли патетического декламатора. Он сообщает нам о своем счастье («спасибо судьбе, что подослала умную парочку»), о строительстве, о ситности своей судьбы с судьбой государства, о будущих поколениях. Но личное и общественное у него существуют раздельно: абзац о Нонне и абзац о строительстве города, абзац о Ноннушке и опять же, скажем, абзац о величии наших обших целей. На деле проблемы личного и общественного существуют у В. Пановой в их старом противостоянии. На деле герои романа, в сознании и чувствах которых эти проблемы должны решиться, не являются новыми советскими людьми, способными эту задачу вспомнить.

Писатель — в особенности советский писатель — не может писать о людях, не любя их. Одним из привлекательных качеств «Спутников» Пановой является мягкая любовь к людям, которая сквозит в чуть-чуть ироническом, дружеском повествовании о них. В «Кружилке» этого нет. Исключением являются лишь старик Веленева и некоторые второстепенные персонажи. Что же касается главного героя, Листопада, то двину даешься, сколько усилий автор приложил к тому, чтобы не проявить к нему собственной любви и не выказать к нему доброго отношения со стороны читателя. Секретарь горкома говорит Листопаду: «Вялэбэ живете. Александр Игнатьевич, оглянувшись на себя нет времени. Целестремленность Листопада иногда смахивает на целестремленность робота. А если он оглянется на мгн, то оказывается эгоистом. Клавия была для него частью быта («А что же быт?.. — часть жизни. Чай вот пьешь? Бренский? Детинки есть? — вот и быт»). Нонна Сергеевна — «умная парочка», которую ему подбросила судьба. С Уздечкиным Листопад обращается, как зарпавский самодур, и т. д.

И новая возлюбленная Листопада также не вызывает нашего сочувствия. Название из подкрашенного льда, с математическим умом и самовлюбленным сердцем, существо, пребывающее вне жизни коллектива, — такова та, которая должна обогатить нас своими чувствами и своими мыслями о труде-творчестве (увы, довольно убогими; металлические детали и узлы в конструкции это — слова и строфы в поэзии). Но вы не чувствуете к Нонне Сергеевне ни любви, ни доверия, и вас абсолютно не волнует вся история Листопада и Нонны Сергеевны. Этот истории Панова придает большое значение, так как здесь-то и должна была, по

ее замыслу, проявиться высшая форма любви, любви двух создателей, любви одухотворенной и творческой. Но из-за того, что создатели изображены неправдоподобными, единственное чувство, которое возникает при чтении страниц об их любви, это чувство любви к любви: а как это у таких («ядушки хладнокровные») получается? Сомнительное достижение для романа!

Между тем, уже в те годы в самой жизни и литературе проблема личного и общего и проблема счастья, творческого и реально осуществляемого, решалась иначе. Самым разительным примером в этом отношении были жизнь, деятельность, книги и высказывания Николая Островского.

И когда сейчас, на исходе 1947 года, читаешь произведение, в котором тема личного счастья снова решается по-прежнему, воспринимаешь это, как народную да ило приданный этап в нашей литературе. В конце концов, занятость — не отличительная черта советского человека. У О. Генири биржевой маклер забывает, что он вчера женился, и делает в обремененный перерыв предложение своей собственной жене, чем ввергает ее в недоумение и слезы. Но это только импрессионистический рассказ. Когда же в романе В. Пановой читаешь о том, как занятая Нонна Сергеевна спешит на долгожданное свидание в занатому Листопаду, то ловишь себя на мысли: «любешаю». И, действительно, помешали. Но ведь это не доведло, а роман!

Ближе к современности!

Более полутора лет ожидали мы очередного номера «Волжского альманаха». Зная, что горьковская организация советских писателей — одна из старейших и сильных в Союзе писателей, мы объясняли такую длительную задержку повышенной требовательностью редакторов, желанием отобрать произведения, которые отвечали бы требованиям, предъявляемым партией и народом к литературе и искусству.

Однако полученных, наконец, 5-й номер альманаха не оправдал наших надежд. В нем нет произведений, отображающих кипучую, многообразную жизнь нашего народа.

Особенно не удовлетворили нас проза и публицистика. Статья «За литературу, достояние великого народа!» производит удручающее впечатление своей противоречивостью и поверхностностью. Обещание редакторов, данное в этой статье, «со всей большевистской принципиальностью, смелостью, смелостью просматривать, подвергнуть анализу все то, что было сделано писателями за последние времена...» — осталось не выполненным.

Вы заявляете, что «За годы войны горьковские писатели не создали ни одного сколько-либо значительного произведения о советских людях в дни войны на фронтах и в тылу, об их боевых и трудовых подвигах во имя счастья народа, во имя победы». И тут же, столь же голословно, в статье утверждается: «Нельзя сказать, что наши товарищи совершенно обогнали эту тему. Нет, она находила отражение в творчестве и Федорова, и Романова, и в творчестве наших поэтов Шестерикова, Пильника, Зарубина, Кирьялова и др. Были написаны и рассказы, и очерки, и стихи, среди которых мы найдем несколько неплохих стихотворений Шестерикова, Пильника, Зарубина, несколько рассказов Федорова, Романова и другие произведения».

Как же после этого понимать: были у горьковских писателей «сколько-либо значительные произведения о советских людях» или их не было?

Так же противоречиво звучат оценки, данные творчеству отдельных писателей. В одном месте, например, без доказательств говорится, что Г. И. Федоров «вырос за последние годы», что успешно работают... В. Шестериков, Б. Пильник, И. Денисов, А. Зарубин, С. Кирьялов,

сын уедет и, возможно, уже не увидит их больше.

Непринятое впечатление оставляет и очерк В. Пильника «Гружилка», почему-то названный рассказом. Вот что пишет В. Пильник:

«... человек на большой пристани — незамысловатый, потому что — за машинами... Вот Чистополь. Пристань — нельзя сказать, чтобы маленькая, но без никакой механизации. И, между прочим, справляется не хуже других и такие

Так нельзя преподавать родную литературу!

Редакция «Литературной газеты» получает много писем, в которых говорится о серьезных недостатках преподавания литературы в школе. Советской литературе программа отводит очень небольшое место. Школьные учебники написаны сухим, тяжеловесным языком. Плохо налажено снабжение школ книгами, журналами.

Преподавание литературы имеет жизненно важное значение для коммунистического воспитания нашей молодежи. Редакция «Литературной газеты» просит наших читателей принять участие в обсуждении вопросов, которые подняты в публикуемых ниже статьях.

Нет, не билось горячее сердце!

— Ученик Петров, расскажите нам кратко содержание пьесы Грибоедова «Горе от ума».

Ученик Петров встает и отвечает, как по писанному:

— Возвратившись из продолжительного путешествия, Чацкий встречает холодный прием со стороны Софьи, дочери Фамусова, в доме которого он получил воспитание. Чацкий влюблен в Софью и стремится выяснить ее отношение к себе. Софья, однако, скрывает свои подлинные чувства и создает в душе Чацкого настроение неопределенности, неуверенности и в то же время смутной надежды. Смена этих переживаний, усиливая в душе Чацкого состояние внутренней тревоги и неуравновешенности, отражается и на обострении той идейной борьбы, которую он ведет с представителями реакционно-дворянского общества. И лишь в конце комедии происходит решительная развязка: Чацкий случайно высказывает истинное положение, став невольным свидетелем свидания Софьи с Молчалиным. Это совпадает с моментом наивысшего напряжения в его идейной борьбе. Обе линии его поведения — личная и общественная — сливаются, усиливая друг друга, и заканчиваются резким разрывом главного героя с его классовой средой.

Мы думаем, что подобным образом мог бы отвечать очень посредственный школьник. Но то, что восьмиклассник в общем можно простить, никак не может быть простительно составителям учебника. А мы привели здесь не учебнические ответы, а до словую выдержку из учебника «Русская литература» для 8-го класса средней школы, составленного Н. Поспеловым, П. Шабловским, А. Сергачевым и изданного в 1947 году.

Правда, авторы называют это изложение «композицией комедии», но какая же здесь композиция? Да и есть ли надобность заниматься в восьмых классах столь сложными вещами, как драматургическая композиция? Это детский лепет, не только ученически-беспомощный, но и лишенный искры любви и уважения к предмету. К этому лепету прибавились еще рассуждения о заимствовании комедии от традиционной классики, хотя «сужно признавать «Горе от ума» крупным шагом в развитии реализма в русской литературе».

Преувеличивая влияние классицизма на великое и самостоятельное творчество Грибоедова, авторы ухитряются скрыть от наших ребят истинное величие бессмертного произведения. Мы выбрали пример, отнюдь не из ряда выходящий. Это — норма учебника, его стиль, его направление. Откроем любую страницу наугад.

Страница 277.
«Если Татьяна противопоставлена Онегину своей близостью к русской природе и русскому народу, своим национально-русским складом характера («русская душа»), то Ленский отталкивает Онегина (подчеркнуто нами) романтически-восторженным отношением ко всем вопросам и задачам жизни».

Страница 195.
«Накнута на плечи Гарольда плащ путешественника, автор, однако, все время дает чувствовать, что под этим плащом бьется горячее сердце».

Относительно Гарольда это верно, хотя между «плащом путешественника» и «горячим сердцем» положительно нет никакой логической связи, но о составителях учебника никак нельзя сказать, что у них билось горячее сердце, когда они писали свою работу.

Цитировать можно бесконечно. Какая уж там заботливость изложения, забота о точном и простом слове, если «Ленский отталкивает Онегина!». Этот оборот не оттеняет, а совершенно затеняет мысль автора. Анализ идейного содержания, требующий глубокой работы мысли, составители учебника заменили формальными, вульгарными шаблонами. Пьесы, в которых есть «отпечаток резонерства» или «деление на положительные и отрицательные», надо понимать, как «своеобразное развитие европейского классицизма».

Уже во введении к учебнику легко увидеть научную беспомощность авторов.

История литературы, как они утверждают, лишь собирает произведения художественной литературы и изучает их в хронологической последовательности.

По сути дела, авторы учебника и следуют установившемуся ими методу: собирать и изучать в хронологическом порядке родную литературу, без особой заботы о каком-нибудь воспитательном значении предмета для нашей молодежи. Они очень прилежно регистрируют даты. В главе, посвященной А. С. Пушкину, можно насчитать до сотни дат. Только феноменальной памяти по силам запечатлеть этот поток календарных сведений. Но зачем? Нельзя, конечно, отрицать необходимость знания биографических данных, характеризующих известные жизненные и творческие этапы писателя. Но откуда не годится, когда дело сводится к справочной точности календаря.

Беда, если наши школьники по этому учебнику вместе с азами науки о русской литературе усваивают убеждение в том, что русская литература возникла, развивалась и расцвела под влиянием просвещения Запада.

А из учебника это именно так и следует. Н. Поспелов и его соавторы не могут только объяснить, что означают литературные влияния, как они преобразуются в новые и самостоятельные творения художника. Зато они с какой-то непонятной пристрастностью развешивают эти влияния. «Таким образом, имеются основания говорить о русском классицизме, как о своеобразной разновидности европейского классицизма».

Многое еще можно порассказать об этом учебнике. Например, глава о любимом нами Крылове совершенно анекдотична. Великий русский баснописец просто пропал. Его нет. Есть моралист вне времени и живой язык с народной жизнью, ленивый, неподвижный, вялый по характеру. Зато авторы любовно перечисляли, сколько басен заимствовал великий писатель, даже не объяснив, в чем его народность и самостоятельность.

Да и что за дело составителям учебника до этого, если они способны написать, например: «Кантемир был убежден, что в современном ему русских условиях только неограниченная власть монарха может спасти Россию от тьмы и невежества и почти первобытной грубости окружающей немногочисленной группы сторонников просвещения». Когда — спросите вы, — до принятия христианства или в самой Скифии? Нет, оказывается, «море первобытного невежества» было у нас в эпоху Петра I.

Мы имеем многие основания утверждать, что этот учебник является для Министерства просвещения серьезным сигналом для того, чтобы проверить и пересмотреть преподавание литературы в нашей средней школе.

Николай ПОГОДИН.

Почему из программы исключена „Зоя“?

«Объясните, пожалуйста, почему в нынешнем году из программы десятого класса исключена «Зоя»? Ученикам 201-й школы это очень обидно. Такую записку я получил после лекции о советской литературе, которую я читал на открытии школьного лектория Тимирязевского района, в помещении 201-й женской школы. Той самой школы, где училась Зоя Космодемьянская».

Тогда я не смог ответить на этот вопрос. Но сейчас, внимательно ознакомившись с программой по литературе для 8—10-х классов Министерства просвещения РСФСР, выпущенной в нынешнем году, я, пожалуй, мог бы ответить на записку, поданную учениками 201-й школы.

Я мог бы сказать им, что составители программ, очевидно, не любят советскую литературу и относятся к ней только, как к — увы! — необходимому довеску к школьному обучению.

Обратимся к самой программе. Изучение литературы в 10-м классе занимает 132 часа. Из них на раздел «Литература советской эпохи» отведено... шесть(!) часов. Правда, отдельно выделены темы «Максим Горький», «В. В. Маяковский», «М. А. Шолохов» и «А. А. Фадеев». Это хорошо. Но на общую характеристику советской литературы и на все остальные явления богатой и многообразной литературы великого советского тридцатилетия, в том числе на характеристику политики партии и идейной борьбы в литературе, отпущено все же только шесть часов. Сюда включается изучение и творчества А. Н. Толстого, и романа Н. Островского «Как закалялась сталь», и произведений А. Серафимовича, Д. Фурманова, и богатейшей литературы эпохи Великой Отечественной войны. Мы не говорим уже о том, что общая характеристика советской литературы дается после анализа творчества отдельных писателей, а это совершенно неправильно.

Тема «Литературное движение 40-х годов XIX века» занимает все-таки восемь часов. Мы отнюдь не посягаем на время, отпущенное писателям 40-х годов, но повольте все же заметить, что количество часов, предназначенное советской литературе, вопиюще недостаточно и свидетельствует о полном равнодушии к ней составителей программы.

Вообще же списки произведений советских писателей, рекомендуемых для внеклассного чтения, поражают своей устремленностью в прошлое. Преобладающее место в них — две трети! — занимает исторический роман.

В уже упомянутом нами разделе «Литература советской эпохи» читаем: «Тема индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства». Не говоря уже о том, что в программе нет ни звука о книгах на эту тему, даже в списках для внеклассного чтения не указано ни одного произведения об индустриализации страны, ни одного романа эпохи первых сталинских пятилеток.

Вот на какие неслесные размышления наводит вопрос учениц 201-й школы о том, почему из программы 10 класса исключена поэма о Зое.

Г. БРОВМАН

«МЫ ИЗУЧАЕМ ЛИТЕРАТУРУ СО СЛОВ УЧИТЕЛЯ»

Уважаемая редакция!

Просим Вас помочь нам, ученикам старших классов, в нашем безвыходном положении. Мы изучаем литературу XVIII—XIX—XX веков и советскую, но изучаем ее только со слов учителя. Нет у нас тех произведений, которые требуются по программе. К нашему стыду, мы почти ничего не читали, потому что в школе нет книг Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гюго, Гончарова, Л. Толстого и других классиков. А о современной литературе мы только слышали от учителей. Мы даже плохо знаем произведения А. М. Горького, ибо нам их негде взять.

Во многих местах мы писали, но, видимо, никого не трогает наша беда. А ведь мы — на пороге выпуска, мы скоро закончим 10-й класс. И мы не хотим выйти в свет неучами.

Обещая просить Вас указать пути для приобретения необходимой нам литературы, мы Вам будем очень благодарны.

О правнотке к Вам, ученики 10-го класса Ульяновской средней школы № 3, Провальского района, Краснодарского края.

Памяти В. Г. Белинского

Министерство просвещения РСФСР приняло решение об ознаменовании 100-летия со дня смерти великого русского критика В. Г. Белинского.

В школах, педагогических училищах, педагогических и учительских институтах будут организованы литературные вечера, будут прочитаны лекции и доклады, посвященные жизни и творчеству В. Г. Белинского. В Московском педагогическом институте имени Ленина, в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена и Пензенском педагогическом институте для студентов двух последних курсов учреждаются стипендии имени В. Г. Белинского по 400 рублей каждая.

Государственный литературный музей организует большую литературную выставку в музее имени Белинского в Чебоксарах. Выставка развернется в здании бывшего уездного училища, в котором Белинский обучался до перехода в пензенскую гимназию. Это здание входит в состав музея вместе с домом, где провел свое детство и отрочество великий критик и где в настоящее время сосредоточена основная экспозиция музея. Здесь, помимо многочисленных снимков с писем и рукописей Белинского, а также копий с его портретов, собраны подлинные архивные документы, относящиеся к периоду пребывания Белинского в училище и гимназии.

Предстоящая выставка осветит основные этапы творческой деятельности «неистового Виссариона».

Наряду с портретами многих русских писателей посетитель увидит в первые издания произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, номера «Современника» и «Отечественных записок» со статьями Белинского. Особые разделы будут отведены темам «Белинский и театр» и «Белинский и исторический роман».

Киев. (От наш. корр.) Научные, культурно-просветительные и литературные организации Украины готовятся отметить 100-летие со дня смерти великого русского критика, революционного демократа В. Г. Белинского.

Библиотека Академии наук УССР организует большую выставку, посвященную творчеству Белинского. Здесь будут экспонированы его произведения, высказывания о нем классиков марксизма-ленинизма.

Издается указатель произведений критика, а также литературы о нем.

Институт украинской литературы имени Шевченко проведет специальную научную сессию.

Кормление конфетами

Как-то раз в кругу друзей Анатолий Франс рассказал следующую историю:

— Роден, великий Роден, только что закончил из главы статуи Виктора Гюго. Поэт стоял на весь рост на вершине утеса. Под ним, на краю утеса, кружились музы и океаниды.

Однажды утром скульптор пошел в свою мастерскую караважистов, которые хотели созерцать новое творение.

К несчастью, накануне он оставил открытой форточку. И так как почва разрыхлилась сильная гроза, динь превратил скульптуру в бесформенную массу. Утес обрушился на пляшущих богинь. А Виктор Гюго погрузился в океан грязи.

Роден толкнул дверь, пропустил вперед своих гостей и вдруг заметил несчастье. Он едва не вырвал себе борозду от отчаяния. Но уже вздыхалась кор ползал:

— Несчастлив! Чужесло! Это озеро грязи, из которой выступает Виктор Гюго, какой символ! Мэтр, это гениальное произведение!

— Вы находите? — робко спросил Роден.

— Еще бы! Мэтр, это превосходнейшее творение искусства!..

Порою и в наши дни повторяется эта забавная история.

Мы знаем, что сладкий и ядовитый дым пусты и неискренних славословий кружит слабые головы некоторых наших мэтров и шоуменов. И люди, хронически окрыляемые фимиамом, называют упорно веру в свою непогрешимость и непопорочность.

«КНИГА—ПОЧТОЙ»

«Книга—почтой». Сотни тысячи граждан нашего Союза знали значение этих двух слов. Ученую, занимающему научным исследованием в каком-то отдаленном уголке страны, попадали справочник, учителю сельской школы потребовалась книга, которой нет в местной библиотеке, советскому воину-пограничнику захотелось приобрести художественную книгу, школьнику нужны пособия для подготовки к экзаменам в вуз, избрав решив почитать колхозную библиотеку. Каждый гражданин, где бы он ни находился, мог написать на почтовой открытке всего лишь два слова: «Книга — почтой», и открытка приходила по адресу: г. Москва, Когиз, «Книга—почтой».

Люди этой конторы специально разыскивали в разных магазинах необходимые книги. Литература наложенным платежом пересылалась заказчику.

Когиз недавно возобновил работу конторы «Книга—почтой». Снова посылаются заказы. Но в ответ на заказы посылаются часто не книги, как это было до войны, а открытки с отказом выполнить заказ.

Майор И. Сидоренко нам пишет: «Я учусь заочно. В библиотеке Дома офицера книг по логике, русской и западной литературе нет. Книжного магазина в районе расположения нашей воинской части также нет. Единственный путь приобрести литературу через отдел Когиза — «Книга—почтой». Однако на мой заказ вместо высланных книг ответили: «Заказ выполнить не можем».

Председатель Остаевского сельсовета тов. А. Гречко сообщает: «Наше село Остаево до войны было самым большим селом в Велико-Багачанском районе, Повитавской области. Немцы сожгли 600 домов колхозников, пять школьных зданий, все общественные постройки, радиоузел, более 5 тысяч книг сельской библиотеки. Сейчас мы заново отстроили все колхозные дома, школы, общественные здания, а книг приобрести для восстановления библиотеки не можем. В местных магазинах литературы на русском языке нет, а из Москвы нам не выслают».

Председатель Ельшанского сельсовета Саратовской области Т. Малов жалует, что Когиз не высылал по его просьбе открытые календари.

На наш запрос, почему «Книга—почтой» не выполняет заказов, заведующий этой конторой Т. Измайлова сообщила:

«Книга—почтой» — большое и нужное дело. Однако из-за нехватки и кинотворческой организации упорно недоиспользовано этого. После войны нам до сих пор не выделено обязательное помещение, не утверждены штат, отсутствует своя экспедиция, а главное — не выделены фонды книг для почтовой работы. Пока этой работой занимаются всего лишь пять московских книжных магазинов, высланных специально литературу по сельскому хозяйству и техническим книгам. Запросы на художественную книгу не выполняются из-за отсутствия фондов».

Только один магазин № 2 (Моховая, 17) в этом году получил с периферии 14 тысяч заказов, а удовлетворить смог половину. Сейчас имеется более десяти тысяч заказов на книгу Шербины «Пчеловодство». «Книга—почтой» до войны выполняла ежемесячно заказы на сотни тысяч книг, удовлетворяя различные запросы трудящихся многих районов в колхозов нашей страны, в первую очередь наиболее отдаленных.

Когиз в другие кинотворческие организации срочно обязаны выделить книжные фонды и обеспечить нормальную работу московской и других окрестных контор «Книга—почтой».

«ОКТАБРЬ» № 12

Декабрьская книжка журнала «Октябрь» открывается очерком А. Литвака «Главное направление». В номере вальсаты: очерки романа Е. Поповкина «Семья Рубинских», третья часть повести А. Брызгалова «Тринадцатый ноябрь». В разделе публицистика — очерк Маргариты Шагиной «По дороге пятилетки». В разделе «Трибуна писателей» помещены статьи Т. Мотылевой «Об утверждении и критическом начале в социалистическом реализме», А. В. Шингарева «Александр Веселовский и его критика», И. Дмитриева и М. Кузнецова «Александр Веселовский и его последователи», В. Шкловского «Александр Веселовский — историк и теоретик» и Н. Глаголева «К вопросу о творчестве А. Н. Веселовского».

Мы не раз слышали из уст подлинных мастеров горькие упреки по адресу критики, которая должна им помогать, но которая вместо помощи угощает их сладкими конфетами.

Об этих конфетах в свое время писал П. Репин критику В. Стасову.

Стасов в газетной статье возмущенно приветствовал какою-то новое произведение Репина, которым художник был не совсем доволен.

Репин сказал Стасову:

— Знаете, мне даже обидно, что это вы? Вы знаете, как я Вам верю и пеню Вашу правду! И вдруг я получаю: Что если он начал стареть и всем хочет на закуску по конфете подлизать? Что, если и мне вначале подлизать? Рали бога, бросьте эту манеру — я ее ненавижу...

Конфеты — вкусная штука. Но если злоупотребить сви лакомством, — становится не по себе.

Гр. РЫКЛИН.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Президиум Союза советских писателей с прикосбием сообщает о смерти

Сергея Львовича ТОЛСТОГО,

последовавшей 23 декабря. Гражданская панихида — 25 декабря, в 12 час. дня, в Государственном музее Л. Н. Толстого, в ул. Кропоткина, 11. Погребение — на Введенском кладбище (Леофортово) 25 декабря, в 2 часа дня.